

РЪЧИ,

**сказанныя при погребеніи студента Кіевской Академіи
Іосифа Доорохольскаго.**

16 января сего года въ академической больницѣ скончался отъ чахотки студентъ IV курса Кіевской Академіи Іосифъ Доорохольскій.

Покойный—сынъ чиновника, родился въ городѣ Гайсинѣ Подольской губерніи въ 1874 г. Въ раннемъ дѣтствѣ лишился онъ отца и матери и при содѣйствіи своего дяди священника получилъ образованіе сначала въ Тульчинскомъ духовномъ училищѣ, а потомъ въ Подольской семинаріи, по окончаніи курса въ которой былъ годъ надзирателемъ въ Тульчинскомъ духовномъ училищѣ, а затѣмъ поступилъ въ Академію.

Въ теченіе академическаго курса онъ часто подвергался болѣзни, и на одномъ курсѣ, вслѣдствіе болѣзни, онъ оставленъ былъ на другой годъ. При его аккуратной жизни можно было надѣяться, что окрѣпнетъ его здоровье. Но надежда эта не оправдалась.

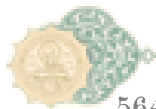
Погребеніе его совершено было 17 января въ Богоявленской церкви Кіево-Братскаго монастыря, въ присутствіи всей академической семьи. Товарищи его почтили память покойнаго нѣсколькими рѣчами, помѣщаемыми ниже.

I.

Вѣсть о смерти невольно смущаетъ каждаго, даже безстрашнаго человѣка, но особенно поражаетъ

душу уныніемъ и скорбію роковая вѣсть о смерти человека близкаго сердцу, каковымъ былъ по отношенію къ намъ почившій. Нѣсколько лѣтъ мы прожили съ нимъ вмѣстѣ подъ однимъ кровомъ, пія изъ общихъ кладенцевъ мудрости, имѣя общіе интересы, стремясь къ одной цѣли, сообща мечтавъ о будущей дѣятельности на пользу ближнихъ. Мечты почившаго товарища нашего, казалось, уже близки были къ осуществленію; приближался тотъ часъ, когда онъ готовъ былъ выйти на ниву духовнаго просвѣщенія,—на которой уже трудился нѣкоторое время до поступленія въ Академію,—чтобы снѣять то высокое, доброе, святое, чему научился въ школѣ. Но Богъ судить иначе: ангелъ смерти посѣтилъ нашу товарищескую семью и восхитилъ сего лучшаго члена ея, наполнивъ сердца наши безмѣрною скорбію. Тяжелая, невыразимая грусть охватываетъ душу при видѣ этого юнаго бездыханнаго тѣла, въ которомъ еще такъ недавно обиталъ бодрый духъ, до послѣдняго вздоха боравшійся съ немощію плоти, исполненнѣйшій самыхъ возвышенныхъ, самыхъ идеальныхъ стремленій. Намъ извѣстно, что почившій товарищъ нашъ неустанно стремился къ тому, чтобы обогатить свой умъ познаніями, и даже тогда, когда онъ видѣлъ уже свое опасное болѣзненное положеніе, онъ не хотѣлъ оставить храма науки, въ которомъ находилъ удовлетвореніе своей жаждѣ знанія; уже на одрѣ болѣзни онъ думалъ о своемъ сочиненіи на ученую степень и глубоко сожалѣлъ, что тѣлесныя силы не позволяютъ ему работать такъ ревностно, какъ онъ работалъ прежде и какъ-бы хотѣлъ работать.—А кому изъ насъ неизвѣстно его доброе сердце, его правдивость, миролюбіе, смиреніе, кротость, уступчивость? Съ увѣренностью думаемъ, что, одаренный такими качествами души, онъ могъ-бы принести людямъ немалую пользу.

Но безжалостная смерть однимъ хладнымъ дуновѣніемъ унесла его съ жизненнаго поприща, разрушивъ наци надежды.... Мы не будемъ пытаться проникнуть въ неисповѣдимыя намѣренія Божіи, не будемъ задаваться вопросомъ, зачѣмъ такъ рано прервана нить жизни, имѣвшей залогъ несомнѣнно полезнаго будущаго,—мы вѣруемъ, что всѣ пути Господни благи, правы и истинны, что преблагій Богъ чрезъ смерть избавилъ почившаго отъ искушеній, бѣдъ и скорбей настоящей жизни, и утѣшаемъ себя упованіемъ, что Онъ, по неизреченному милосердію Своему, отпустить усопшему „вольная и невольная согрѣшенія, содѣянная имъ“, и вселить безсмертный духъ его „въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злчнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, идѣже праведніи почиваютъ“, куда стремимся, чего желаемъ и мы, куда стремятся всѣ истинные христіане, желая разрѣшиться отъ узъ тѣла и со Христомъ быти.

Будемъ-же молить милосерднаго Бога, дабы Онъ не посрамилъ сего упованія нашего. А теперь, воздавая послѣднее цѣлованіе умершему, изъ глубины сердца своего воскликнемъ: спи, дорогой товарищъ! Ты не умеръ ни у Бога, ни въ памяти нашей: умерло тѣло твое, но и оно, по непреложному слову Спасителя, воскреснетъ въ послѣдній день, „въ онъже вси сущи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божіа“ (Іоан. 5, 28). Спи-же покойно до радостнаго утра общаго воскресенія!

Студентъ IV к. М. Жуценко.

II.

Приндите послѣднее цѣлованіе дадимъ, братіе, умершему! Намъ предстоитъ прощанье. Другъ нашъ отправляется въ страну, изъ которой нѣтъ возврата.

Скорбь разлуки тяготитъ наши души, души близкихъ его, сопряженныхъ съ его душой годами совместнаго жительства и труда, единствомъ надеждъ на новую, уже готовую открыться за школьными стѣнами, жизнь.

Что же скорбѣть намъ?

Развѣ не имѣемъ мы упованія, что поборено жало смерти (1 Кор. XV, 55), что если Христосъ умеръ и воскресъ, то умершихъ въ Иисусѣ Богъ приведетъ съ Нимъ (1 Тим. IV, 14)?

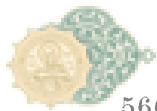
Развѣ не тотъ же путь смерти и намъ предстоитъ?

Оку вѣры вѣдомы и путь его и исходы наши; вѣдомо, что бурно открывающееся намъ житейское море и тиха пристань, въ которую уже вошелъ безсмертный духъ нашего товарища. Но тяготитъ насъ то, что для чувственныхъ взоровъ та жизнь, какая началась для него, покрыта непроницаемой тайной. Насъ тяготитъ то, что эти очи, теперь надолго сомкнутые, еще такъ недавно видѣли насъ и земную жизнь съ ея невятною ему теперь радостью, что изъ холодныхъ нынѣ устъ лилась рѣчь, полная надежды на выздоровленіе, что это мертвое сердце жило вмѣстѣ съ нами нашими радостями и печальми. Свѣтлый образъ всегда, до гроба, дѣятельнаго, на все доброе отзывчиваго, товарища привыкли мы соединять не съ этой безпомощностью изстрадавшагося тѣла.

Таинство безмолвнаго гроба тяготитъ насъ и даже ужасаетъ.

Но умѣримъ скорбь чаяніемъ христіанской вѣры.

Не вѣченъ сонъ глубоко впадшихъ вѣждъ, не вѣчно будутъ скованы холодомъ смерти безсильные члены.

Грядеть часть, въ онѣже вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія (Іоан. V, 28) и услышавшіе оживутъ (Іоан. V, 25). Грядеть часть, и сѣмос въ тлѣніе, возстанеть въ нетлѣніи, сѣмос не въ честь, возстанеть въ славѣ, сѣмос въ немощи, возстанеть въ силѣ (1 Кор. XV, 43).

Чиста душа нашего кроткаго друга въ очахъ нашихъ, но не нашему суду мѣсто теперь, когда призвана она къ суду правды Божіей, не въ похвалахъ человѣческихъ нуждается онъ теперь, предстоя Сердцевѣдцу!

О, если бы прервалось это торжественное молчаніе смерти, если бы хоть на мигъ открылись безмолвныя уста, если бы онъ вновь заговорилъ съ нами, какъ съ друзьями своими!

Одну просьбу слышали бы мы тогда отъ него,— о молитвѣ за блюдомую до страшнаго окончательнаго суда его душу.

Когда, оставивъ довлѣющую днєви злобу, мы будемъ вступать въ общеніе молитвы съ Богомъ духовъ и всякія плоти, пусть всегда будетъ живъ умершій товарищъ въ нашей молитвенной памяти.

Прійдите же и съ этимъ рѣшеніемъ скорбной души дадимъ послѣднее цѣлованіе умершему, нашему незабвенному и дорогому товарищу.

Студентъ IV курса Николай Щегловъ.

III.

Возлюбленный о Христѣ братъ нашъ!

Давно ли ты бесѣдовалъ съ нами о самыхъ жизненныхъ вопросахъ? Давно ли ты повѣрялъ намъ свои мечты о честной, трудовой и полезной для Церкви и

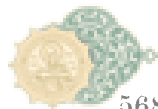

отечества дѣятельности? Какимъ умомъ, сердечной чистотой и рѣшимостью вѣяло отъ твоихъ словъ! И какимъ расположеніемъ къ тебѣ во время бесѣдъ съ тобою наполнялись сердца наши! Сколько искреннихъ благожеланій посылали мы тебѣ внутренне всякій разъ, когда навѣщали тебя уже больного! И какой, скрывася отъ тебя, болью сжимались наши сердца при видѣ немощствующаго, все болѣе и болѣе разрушающагося сосуда твоего бодраго, не устававшаго духа, при мысли, что дни твои здѣсь, среди насъ, уже сочтены! И, о всеблагій Промыслитель! совершилось то, чего мы такъ боялись, мысль о чемъ такъ гнали отъ себя! Смерть всеокрушающая и всеуничтожающая даже скорѣе, чѣмъ мы ее ожидали, пришла и прервала молодую жизнь твою...

И лежишь ты предъ нами уже нѣмъ, безгласенъ и бездыханенъ... Черезъ нѣсколько минутъ... опустятъ тебя въ хладную могилу... и навсегда скроются останки твои отъ насъ... Позволь же, другъ нашъ, позволь въ послѣдній разъ говорить, если не съ тобою, то при тебѣ...

Тяжело намъ видѣть преждевременный гробъ твой, видѣть безжизненнымъ это лицо, предназначенное, казалось, не только чтобы жить, но и оживлять сердца другихъ... Но мы не хотимъ безутѣшно плакать надъ тобою. Иначе ты самъ, какъ истинный христіанинъ, сказалъ бы: почто мене рыдаете, о человѣцы? Почто все мятется? (погр. свящ.). Нѣтъ, не плакать мы сюда собрались, мы хотѣли бы, приникая къ твоему гробу, узнать, кому изъ насъ съ тобою лучше?

Чего ты лишился съ этой жизнью, продолжать которую суждено намъ Богомъ? Не „теченіе ли скорое и жестокое“ вся настоящая жизнь со всѣми ея благами? Не дымъ ли это и пепелъ, скоро разбѣвающійся, не трава ли это и цвѣтокъ полевой, скоро

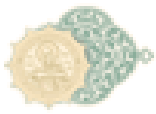

изсыхающіе? Не на этой ли землѣ, оставленной тобою, бѣды и несчастія, неправды и вражды, все темное царство зла? Не непрестанная ли здѣсь борьба христіанина съ плотію, міромъ и діаволомъ, борьба тяжелая, крестоносная?...

А посмотри на насъ, еще находящихся подъ образовательной охраной нашей матери-школы. Что впереди насъ ждетъ? Какъ встрѣтитъ насъ жизнь? Что готовитъ она намъ: дни счастья или несчастія? А можетъ быть, она готовитъ намъ оковы болѣзни вмѣсто нужнаго для насъ здоровья. Можетъ быть, въ жизни ожидаетъ насъ бѣдность и не всѣмъ переживаемыя лишения, а также людскія неправды, клеветы и т. п. А ты? Ты сошелъ въ мѣсто упокоенія, не вкусивъ ничего изъ этого. И мы сойдемъ туда же, непременно пройдемъ, но уже, быть можетъ, утомленные, измученные подъ тяжелымъ бременемъ жизни. Ты перешелъ въ мѣсто, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, а мы идемъ имъ на встрѣчу.

А болѣзни душевныя, а мучающія насъ сомнѣнія, а неразрѣшимые вопросы, волнующіе наши неустановившіеся умы? А опасности, сопряженныя съ подобнымъ состояніемъ духа—не наше ли это горькое достояніе, которое мы должны пережить, перечувствовать?

Не самъ ли ты, другъ нашъ, силился вмѣстѣ съ нами проникнуть за роковую завѣсу, скрывающую отъ насъ наше будущее? Что такое смерть, что будетъ за нею, что такое вѣчность,—вопросы, предъ которыми мы и теперь стоимъ такъ же въ безмолвіи, какъ и раньше при тебѣ. А для тебя то, что составляетъ для насъ темную ночь, ясно, какъ Божій день. То, о чемъ приходилось намъ съ тобою гадать только, яко зеркаломъ въ гаданіи, то видишь ты лицомъ къ лицу. Не

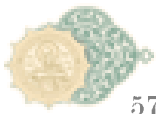
вѣчность ли предъ тобою со своимъ необозримымъ и неизмѣримымъ нынѣ? Не видна ли тебѣ отчетливо твоя загробная участь? Не вкушаешь ли ты, какъ истинный христіанинъ, райскія блаженства? Не предъ Богомъ ли правосуднымъ и безконечно милосерднымъ предстоишь въ сіи минуты?

Ахъ, другъ нашъ! По истинѣ „блаженъ путь, въ онѣже идеши днесь, душе... По истинѣ „блажени умирающіе о Господѣ..., ей, рече Духъ, да почіють отъ трудовъ своихъ (Апок. 14, 13) тамъ, гдѣ царствуетъ правда, миръ и радость о Дусѣ, гдѣ есть всѣхъ веселящихся жилище“.

Гдѣ ти, смерти, жало? гдѣ ти, аде, побѣда? (1 Коринѣ. 15, 55). Ихже око не видѣ и ухо не слыша и на сердце челоуѣку не взыдоша, сія уготова Богъ любящимъ Его (1 Кор. 2, 4). Вся жизнь земная—какое ничтожество предъ вѣчной жизнью въ обителяхъ Отца Небеснаго! Какъ вкусившій сладкаго не хочетъ горькаго, какъ увидѣвшій прекрасное не жалѣетъ о безобразномъ, такъ и ты, вѣримъ, переселившись въ обитель небесную, не жалѣешь о тѣсной темницѣ земной...

Ты совершилъ свое дѣло на землѣ въ вѣрѣ, надеждѣ, кротости и чистотѣ. Твое положеніе круглаго сироты, лишившагося въ раннемъ дѣтствѣ нужнаго руководства отца и теплыхъ утѣшительныхъ ласкъ матери, не нарушило правильнаго развитія твоей духовной природы. Мы не забудемъ твоей сердечности, кротости, уступчивости, услужливости. Мы не забудемъ твоей отзывчивости на все прекрасное, доброе. Мы не забудемъ твоей смѣлости и рѣшительности въ сужденіяхъ. Мы не забудемъ твоей съ начальниками и наставниками почтительности, съ товарищами привѣтливости, съ друзьями веселости. Мы не забудемъ тебя, непрестанно трудившагося надъ всестороннимъ и пра-

вильнымъ своимъ развитіемъ. Мы не забудемъ тебя ни въ школѣ, ни въ этомъ святомъ храмѣ, куда ты ходилъ уже блѣдный, подгачиваемый уже злымъ недугомъ. Твой духовный обликъ, украшенный, безъ преувеличенія скажемъ, многими примѣрными качествами, такъ и встанетъ предъ нами и долго, долго, думаемъ, будетъ храниться въ памяти тѣхъ, которые знали тебя. Мы уповаемъ, что наступившая для тебя новая жизнь будетъ непрерывнымъ поприщемъ совершенствованія въ томъ святомъ направленіи, въ какомъ ты переступить за порогъ могилы.

Прости насъ другъ нашъ...

Миръ праху твоему и душѣ твоей вѣчное блаженство. О, если-бы Царь вѣковъ и Побѣдитель ада и смерти въ вѣдомое ему время и насъ вмѣстѣ съ тобой и со всѣми благоутюдившими Богу въ селеніяхъ вѣчныхъ жити радостно сподобить, оправдая вѣрою же и благодатію (Погреб. свящ.). Аминь.

Студентъ III курса А. Залевскій.